

Гнутов, Василий Петрович. Поэт в краю степей необозримых : рассказы-эссе о пребывании А.С. Пушкина на Дону / Василий Гнутов. - Ростов-на-Дону : Ростовское книжное изд-во, 1985. - 60, [2] с. : ил.

У лукоморья дуб зелёный

Дорога из Мариуполя в Таганрог шла вблизи моря, и его влажное дыхание врвалось в душный воздух кареты, нагретой палящим солнцем конца мая. Хотелось свернуть к морю и полной грудью ощутить его прохладу, но сидевший рядом генерал Николай Николаевич Раевский упорно молчал и не подавал вознице команду на остановку. Пушкин тоже молчал. За время пути из Екатеринослава до Мариуполя переговорили, казалось, обо всём, и теперь настал черёд молчаливого раздумья.

Младший Раевский, тоже Николай Николаевич, дремал в углу кареты, вытянув длинные ноги и свесив красивую голову на грудь. Чёрные прямые волосы, чуть повлажневшие от жары, спускались на лоб, почти прикрывая густые дугообразные брови. Очки в золотой оправе перекошились, сползли вниз и только каким-то чудом держались на тонком прямом носу. Воротник мундира гусарского ротмистра был расстёгнут, обнажая влажную кожу тонкой шеи. Пушкин озабоченно посмотрел на спящего друга, ощутив в своем сердце нежность к этому потомку Ломоносова и потребность заботиться о нём, как о младшем брате, хотя был старше Николая всего лишь на два года. Николай Раевский-младший был правнуком М.В. Ломоносова.

Раевский дорог был ему ещё и тем, что рядом с ним вставал образ Петра Чаадаева, на квартире которого они познакомились. Чаадаев и Раевский служили тогда в лейб-гвардии гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Пушкин был лицеистом, писал вольнолюбивые стихи, по вечерам упорно работал над первой большой поэмой "Руслан и Людмила", и, хотя потом он скажет друзьям, что поэма ему изрядно надоела, что только последний стих её принес ему истинное удовольствие, её сказочные образы ещё жили в его душе, и теперь, покачиваясь на мягком сиденье кареты, он думал о судьбе своей поэмы, рукопись которой оставил петербургским друзьям, поручив издание её поэту Николаю Ивановичу Гнедичу.

Вспомнив Чаадаева, Пушкин вспомнил и свои стихи. В одном из них он обращался к Петру Яковлевичу с призывом отчизне посвятить души прекрасные порывы. Он пророчил друзьям: "... взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!" За вольнолюбивые стихи император Александр Первый выслал Пушкина из Петербурга в захолустный Екатеринослав, где он заболел и где его, больного, в бреду, поздним вечером 26 мая 1820 года, нашли в бедной хижине в Цыганском Куту приехавшие из Киева Раевские. И тут Николай, как истинный друг, предложил отцу взять Пушкина с собой на Кавказские Воды, куда Раевские ехали почти всей семьёй. Герою Отечественной войны 1812 года, корпусному командиру Раевскому-отцу, ничего не стоило склонить мягкого генерала Ивана Никитича Инзова, начальника Пушкина, к согласию на эту поездку. Так опальный поэт очутился в карете с генералом, его сыном Николаем и военным врачом Рудыковским, сопровождавшим генерала на Кавказские Воды. Ему-то, доктору Евстафию Петровичу Рудыковскому, высокому сухощавому человеку, поручил генерал лечить Пушкина. И всю дорогу доктор усердно потчевал Пушкина пилюлями и не разрешал купаться в Днепре, когда переправлялись они через реку ниже порогов, у немецкой слободки Нейенбург, вблизи Александровска. Отсюда началась степь, и ее воздух, настоящий на шафранном и белом доннике, неувядающих запахах чебреца и полыни, словно целебный бальзам, вернул Пушкину телесную силу и бодрость духа. Глядя на бескрайнюю равнину с высоким, сочным разнотравьем и купама золотого весеннего горичвета на склонах пересекаемых балок, Пушкин думал, что отсюда шли на Киев печенеги, которых так

славно поразил его Руслан в последней песне поэмы. Пушкин снова был весел, шутил, острил и непринужденно вел беседы с прославленным генералом, словно не было разницы в годах.

Младший Раевский, слушая беседы отца с Пушкиным, с некоторой завистью, а порой и удивлением думал об огромных познаниях своего друга и необычайной осведомленности его во всех областях, затрагиваемых в беседе тем. Николай ревниво отмечал, что отец говорил с Пушкиным как с равным себе собеседником, в то время как с ним, сыном, говорил с некоторой долей родительской снисходительности и превосходства.

Сорокадевятiletний прославленный генерал действительно получал истинное удовольствие от бесед со словоохотливым Пушкиным, в котором видел не только друга своего сына, но и талантливого юношу, может быть, будущую гордость России. Играя черными узкими глазами, чуть улыбаясь полными губами над изогнутым наполеоновским подбородком, генерал иногда ненавязчиво трунил над Пушкиным, называя его великим либералом, поклонником Вольтера и Руссо. А на станции Безымянная, где генерала встречали хлебом-солью и угощали завтраком и кругом толпился любопытствующий народ, генерал, улыбаясь одними глазами, сказал Пушкину: "Прочти-ка им свою оду "Вольность". Но сейчас, утомленный дорогой, генерал молчал, изредка отбрасывая назад еще черные густые волосы.

А на безоблачном знойном небе как-то неприметно появились белые барашки облаков. С каждой минутой число их росло, и вот уж бегут они отарой, заслонили солнце, потемнели. Моря по-прежнему не было видно, но отчетливо доносился шум набегавших на берег волн. И лишь за поворотом дороги оно открылось безбрежной, взбудораженной ветром громадой воды.

Началось лукоморье. Генерал велел вознице остановить лошадей и первым легко шагнул на землю. Он был высок, строен, лицом сухощав и не носил ни усов, ни бороды. За ним осторожно спустился высокий Рудыковский, легко выпрыгнули Пушкин и проснувшийся Николай Раевский.

Прогремели первые раскаты грома. Гроза приближалась. Все пошли к каретам. Экипажи и коляска тронулись в путь. Теперь дорога шла берегом моря. Оно вздувалось, гребни волн пенились и шумно бились о берег, дробясь, откатываясь и снова набегая с прежней яростью. В стороне от дороги стоялосело Лакедемоновка. Еще в Екатеринославе генерала предупреждали о крестьянских волнениях на Дону, на Миусе и на реке Сал. Крепостные крестьяне отказались ходить на барщину, требовали воли. Генералу называли село Лакедемоновку как один из центров крестьянского бунта. Советовали поостеречься, взять конвой.

- Пустое! - сказал, отмахнувшись от советчиков, генерал.

И теперь он смело ехал по земле, охваченной крестьянским мятежом, надеясь на их благоразумие и на свою славу героя Отечественной войны. Все же рассказал мужчинам о крестьянских волнениях и полусхотливо спросил:

- Поди, душа в пятки ушла?

У Пушкина любопытством загорелись глаза. Подавшись вперед, он выглянул в окно кареты:

- Где же эта Лакедемоновка? - спросил он живо.

Генерал махнул рукой, усмехнулся:

- Впрочем, ты ведь и сам - бунтарь!

Все рассмеялись.

В Таганрог приехали рано, остановились у градоначальника Петра Афанасьевича Попкова, на Греческой улице, вблизи моря.

Обедали у градоначальника Попкова. После обеда осмотрели город. Месторасположение города всем понравилось - много воды и простора, но городские строения не блистали ни архитектурой, ни богатством. Многие дома были крыты соломой.

Сглаживая невыгодное впечатление о городских строениях, градоначальник Попков сообщил гостям:

- Кроме деревянных и глинобитных домов в городе уже имеется сто шесть каменных зданий.

Раевский же любезно отметил:

- Но торговлей ваш город богат. В торговых рядах, как я вижу, весь день царит оживление.

Стоя на морском берегу, генерал, Пушкин и вся молодежь с тревожным интересом наблюдали за погрузкой судов, стоявших на рейде далеко от берега: подойти ближе они не могли из-за мелководья. Полуголые грузчики на лоснящихся от пота спинах подносили по деревянным мосткам мешки с зерном к подмощенным телегам с высокими бортами, и пара лошадей тащила их к судам.

На следующий день путешественники выехали в Ростов.

Омытое дождем, голубело небо, светило солнце, Пушкин был весел и с интересом смотрел на лукоморье, широко открывавшееся перед его взором.

Где-то на обрывистом берегу моря, уже в виду зеленых островов донского гирла, увидели избушку, покосившуюся, без окон, или они были на стороне, обращенной к морю. Да и дверей не заметили. Обшарпанная, давно не беленная, крытая соломой, она являла жалкий вид и казалась нежилой. И вдруг, словно из земли, появилась возле избушки старуха, черная от загара, простоволосая, с заткнутым за пояс черным передником. Приложив ко лбу ладонь, старуха глядела на проезжавшие экипажи.

- Вот на! - вскричал весело Пушкин. - Ни дать ни взять - баба-яга у своей избушки на курьих ножках!

Все согласились с ним, что очень похожа.

А над морской гладью стояло морево, и зеленели низкие острова донского устья.

Ближе к Ростову Дон заслонили урочища и дубравы...

Очеркисты обычно пишут, что Раевские, не задерживаясь в Ростове, продолжали путь. В действительности было не так.

Крепость Дмитрия Ростовского была хорошо известна генералу Раевскому. Еще двенадцатилетним мальчиком он около года жил в этой крепости с матерью, когда его отчим ходил на Кубань вместе с Суворовым. Тогда ему очень нравилась девочка Алена Пеленкина, и он даже сочинил для нее песенку. Через 12 лет, будучи полковником, Раевский впервые ехал на Кавказ. Проезжая через Ростов, он узнал, что Алена вышла замуж и по-прежнему живет в крепости вместе с мужем. Раевский повидал молодую чету и отобедал у нее. И теперь, еще через двадцать лет, ему сообщили, что Пеленкина, овдовев, продолжает жить в крепости. Раевский решил заехать к ней со всей "ватагой", как он называл своих молодых спутников. У Алены в тот день были гости, и генералу пришлось задержаться.

Алена представила своих дочерей. Младшая, 17 лет, была такой красавицей, каких мало видел он, по собственному его признанию. Посидели, не без улыбки вспоминая ребяческие годы и былую взаимную симпатию. "Расстались без слез и сожаления", - закончил свой рассказ о задержке в Ростове Раевский в письме дочери Екатерине.

И только после этого визита Раевские и Пушкин выехали из города.

В одной версте на восток от крепости стоял армянский город Нахичевань. Армяне сюда были переселены из Крыма в 1779 году. Проезжая по Нахичевани, задержались у базара. Любопытный генерал, сопровождаемый молодежью, прошелся по торговым рядам. Многоязыкая пестрая толпа поразила воображение поэта. Тут были темнолицые армяне в строгих черных одеждах, греки и итальянцы, весьма словоохотливые и подвижные, горцы в черкесках, казаки в чекменях или кафтанах с кинжалами на поясе, в высоких сапогах красного и желтого сафьяна; были тут и служилые казаки в форменных темно-синих куртках, и украинцы в широченных шароварах и ярко вышитых полотняных

рубах. Оригинальные лица и одеяния людей, строения города и его хорошая планировка - все привлекало внимание генерала и его молодого спутника Пушкина.

Когда возвращались в ожидавшие их кареты, Пушкин сказал Николаю:

- Я жаждал краев чужих. Я знал, что полуденный воздух оживит мою душу. Но я не знал, что и на отечественном юге так много любопытного, достойного пера поэта. Прелестный край!

Из Нахичевани путь держали в казачью станицу Аксайскую. Ехали не нагорьем, а кратчайшим путем, ближе к Дону, через очень глубокую Кизитеринскую балку с изрезанными водой берегами.

Войсковым наказным атаманом на Дону в тот год был казачий генерал Андриан Карпович Денисов, боевой друг Раевского. Николай Николаевич решил побывать у старого товарища, о чем послал ему записку с конно-нарочным казаком в Новочеркасск. Утром две кареты (коляску с прислугой оставили в Аксае) поднялись со двора почтовой станции по проулку в гору до площади и, минуя деревянную продолговатую низкую церковь с одним куполом и колокольной, выехали на широкую, вверх уходящую улицу. За станицей набитым проселком экипажи покатали до большого тракта Ростов-Новочеркасск. Тракт проходил через рощу и остатки сада дачи атаманов Ефремовых. Слева от дороги увидели огромный раскидистый дуб. Судя по толщине его ствола у основания, дуб был очень стар. "Какое могучее дерево и какая сила жизни!" - думал Пушкин, любуясь зеленым великаном в окружении своих собратьев помоложе. И вдруг он заметил: полускрытая листвой, на ветке дуба сидела девушка в длинном ярком платье, схваченном у талии цветным расшитым поясом. Этот дуб, находившийся на территории хутора Большой Лог Аксайского района, где проходил почтовый тракт, погиб в семидесятые годы XX века.

- Смотри, *Nikolas*, русалка на ветвях сидит! - воскликнул Пушкин.

Раевский улыбнулся, взглянул на дуб и флегматично сказал:

- На дубе сидит простая девка-казачка, но ты не был бы Пушкиным, если бы не увидел в ней русалку. За это и люблю тебя, Александр.

Оба рассмеялись.

Через восемь лет, в 1828 году, во втором издании поэмы "Руслан и Людмила", впервые был напечатан пролог "У лукоморья дуб зеленый". В нем есть такие строки:

Там чудеса: там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит;

Там на неведомых дорожках

Следы невиданных зверей;

Избушка там на курьих ножках

Стоит без окон, без дверей...

Денисов встретил их в мундире, при орденах. Атаман был стар, носил седую бороду, усы и бакенбарды. Все это, сливаясь с прямыми белыми волосами на голове, скрывало лицо. Отчетливо видны были только шустрые карие глаза, нос да губы. Высокий лоб и борода удлиняли голову, и она, словно башня, стояла на прямых плечах атамана.

Во время обеда, по заведенному еще Платовым порядку, песенники атаманского полка исполняли казачьи песни. Пушкин с интересом слушал их протяжные, не знакомые ему мелодии, записывал слова понравившихся ему песен.